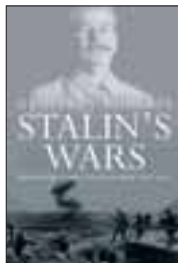

Как заставить Сталина умереть

Ярослав Шимов

ГЕОФФРЕЙ РОБЕРТС. *Stalin's Wars. From World War to Cold War, 1939-1953*. New Haven, CT: Yale University Press, 2006. 468 с. (Джеффри Робертс. Войны Сталина. От мировой войны к холодной войне, 1939-1953.)

Все исторические исследования, заслуживающие этого наименования, можно по большому счету разделить на два разряда. Ценность одних заключается в том, что они делают достоянием общества новые факты, документы, свидетельства или по крайней мере сильно дополняют факты уже известные. Ценность других — в новизне интерпретации известных фактов, в ином взгляде на них.

Работа ирландского профессора Джеффри Робертса «Войны Сталина. От мировой войны к холодной войне, 1939-1953», получившая довольно заметный резонанс среди историков в Европе и США, относится ко второй из перечисленных категорий. Робертс давно занимается историей СССР периода Второй мировой войны, он автор книг «Несвященный союз: пакт Сталина с Гитлером» (1989), «Советский Союз и причины Второй мировой войны» (1995) и «Победа при Сталинграде: битва, изменившая историю» (2002). Но его последняя работа, «Войны Сталина», привлекла наибольшее внимание — видимо, потому, что в центре нее находится фигура советского диктатора, дискуссии об исторической роли которого, очевидно, еще долго не утих-

нут как в России, так и за ее пределами.

В качестве своей задачи Робертс обозначил анализ деятельности Сталина как государственного деятеля и полководца в последние 14 лет его жизни и деятельности. В этот период СССР под руководством Сталина вначале вел военные кампании локального характера (участие в разделе Польши в сентябре 1939 г., «зимняя война» 1939-1940 гг. с Финляндией, аннексия трех прибалтийских стран, Бессарабии и Северной Буковины летом 1940 г.), а затем, в 1941-1945 гг., колоссальную войну с нацистской Германией. Вскоре после окончания которой началась еще одна, последняя «война Сталина», правда, без битв и боевых операций — холодная война между СССР и странами Запада. Особенности лидерства Сталина во время всех этих конфликтов и его историческая роль в событиях конца 30 — начала 50-х гг. находятся в центре внимания Джеффри Робертса.

Указанные автором уже во введении основные тезисы его работы звучат так:

1. Сталин «был очень способным и чрезвычайно успешным военным лидером. Он допустил немало ошибок и вел жестокую политику, при-

несшую смерть миллионам людей, но без его руководства война с нацистской Германией, вероятно, закончилась бы поражением».

2. Сталин «всеми силами добивался успеха антигитлеровской коалиции и стремился к тому, чтобы этот союз был сохранен и после войны. Хотя его политические и практические шаги способствовали началу холодной войны, в его замыслы это не входило... На рубеже 40-50-х гг. он пытался добиться снижения напряженности в отношениях с Западом».

3. Послевоенный режим в сталинском СССР «сильно отличался от предвоенного периода. Он был менее репрессивным, более националистическим и в своей повседневной практике не зависел в такой степени от воли и капризов Сталина».

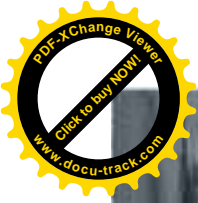
Эти утверждения идут вразрез прежде всего с традицией антикоммунистической историографии (как западной, так и российской), согласно которой:

а) роль Сталина в победе СССР над Германией не была решающей; более того, допущенные им ошибки в планировании военных операций на первом этапе войны привели к неоправданно высоким потерям; в целом победа была одержана народами СССР скорее не благодаря, а вопреки репрессивному сталинскому режиму;

б) на сталинском СССР лежит основная вина за развязывание холодной войны во второй половине 40-х;

в) Сталин сознательно не использовал принесенный победой 1945 г. шанс на либерализацию и реформирование советского строя, вновь закрутив гайки и начав в последние годы своей жизни новую волну массовых репрессий.

Тем не менее книгу Дж. Робертса нельзя считать ревизионистской. Его подход лишь доказывает, что одностороннего взгляда на личность и историческую роль Сталина по-прежнему не существует, — и сам Робертс демонстрирует это, анализируя изменения научных и политических оценок, дававшихся советскому диктатору в СССР, постсоветской России и на Западе со времен Второй мировой до наших дней. Свою задачу он толкует как одновременно дегероизацию и дедемонизацию Сталина, как анализ его деятельности, достижений, ошибок и преступлений с реалистических позиций: «Эта книга — попытка вернуть Сталину человеческое из-

Виктор Пивоваров. Из серии «Едоки лимонов». 2005. Холст, масло

мерение. Речь не идет об отрицании страшного характера многих его поступков. Я, однако, настаиваю на том, что Сталин был более обыкновенным, чем представляют себе его преданные сторонники или же те, кто однозначно осуждает его... Моя книга — не список злодеяний Сталина, а попытка лучше понять его личность». Попытка, на мой взгляд, в целом удалась, хотя и оказалась не лишеной ряда слабых мест.

Сталин для Робертса — прежде всего лидер политический, а затем, после нападения нацистской Германии на СССР, и военный. Хладнокровный и изобретательный, очень жестокий, но в то же время не лишенный идеалов политик. Не непогрешимый «отец народов», но и не параноик-убийца. Автор рассматривает его деятельность главным образом с точки зрения эффективности созданной им системы государственного управления и командования вооруженными силами, функционирования этой системы в экстремальных условиях,

существовавших в годы войны с нацизмом, и ее эволюции в первые послевоенные годы. Опираясь на документы той эпохи, воспоминания участников событий (прежде всего советских военачальников: Г. Жукова, А. Василевского, К. Рокоссовского, И. Баграмяна и др.), выступления самого Сталина, работы других историков, Робертс приходит к выводу о том, что советский диктатор не был догматиком в том, что касается вопросов практического руководства созданной большевиками империи СССР и ее вооруженными силами. Он умел учиться и исправлять собственные ошибки: «Все критические замечания относительно полководческих ошибок Сталина уравниваются тем, что он же их и исправил, иногда даже вопреки рекомендациям, которые давали ему военные специалисты». Иное дело, что эта «работа над ошибками» порой стоила стране очень дорого, особенно в 1941–1942 гг. Робертс оценивает систему, созданную Сталиным,

как крайне авторитарную и репрессивную, однако, по его мнению, такая система смогла обеспечить предельную концентрацию ресурсов и усилий, направленных на достижение перелома в столь неудачно начавшейся войне с Гитлером и в конечном итоге победы в этой войне.

Отдельная тема, которой в «Войнах Сталина» уделено значительное внимание, — взаимодействие советского лидера и его окружения, военных и гражданских руководителей, которые, с одной стороны, осуществляли волю Сталина, а с другой — были соавторами ключевых военных и политических решений. По мнению Дж. Робертса, при всем авторитаризме и самовластии Сталина в руководстве СССР существовали элементы коллегиальности, выразившейся в единстве взглядов на ряд политических и военных вопросов. Именно поэтому, считает Робертс, зачастую трудно отделить ответственность Сталина за те или иные решения от ответственности остальных членов советского ру-

водства, а волю Сталина далеко не всегда следует считать единственным определяющим фактором советской политики в рассматриваемый период. В ряде случаев Сталин полностью разделял господствовавшие в советском руководстве представления, не формируя их, а, наоборот, следуя в их русле. Это, например, относится к наступательному характеру советской военной доктрины, которая

на «обучаемость» советского диктатора, показывая, как Сталин постепенно не просто обретал способность руководить крупномасштабными военными операциями, но и проявлял полководческое дарование, впрочем, опираясь в своей военной деятельности на плеяду выдающихся военачальников, возвысившихся в годы Великой Отечественной войны. Взаимодействие верховного главнокоман-

животрепещущих проблем, касающихся подготовки и вступления СССР в войну.)

В целом административная система, созданная Сталиным, оценивается автором как *неопатримониальная*: «Подобно своим предшественникам-царям или иным самодержцам, он не только управлял, но и в определенном смысле владел государством. Перед войной и во время нее он осуществлял это „владение“, участвуя в принятии огромного числа решений и скрупулезно надзирая над повседневной деятельностью властей. В послевоенные годы этот надзор стал менее тщательным, допускающим передачу значительного числа полномочий в руки комитетов и комиссий, возглавляемых коллегами из числа членов политбюро... Несмотря на его огромную личную власть и все чаще проявлявшиеся капризы, послевоенное лидерство Сталина было намного более современным и рациональным, чем в довоенный период». Пожалуй, оценки первых послевоенных лет советской истории можно назвать наиболее спорным моментом всей книги Дж. Робертса. Он утверждает, что в период 1945–1953 гг. в СССР происходила постепенная

Виктор Пивоваров. Пачка «Беломора». 1991. Холст на оргалите. масло. 40,5 × 49

была выработана во второй половине 30-х и на идеологическом уровне выражалась известным лозунгом о ведении войны «малой кровью и на чужой территории». Хотя Робертс подвергает аргументированной критике ревизионистские теории о том, что СССР якобы готовил превентивный удар против Германии, он отмечает, что разделявшаяся Сталиным склонность командования Красной армии к ведению наступательных действий имела в конечном итоге негативный эффект. В 1941 и начале 1942 гг. она привела к огромным, далеко не всегда оправданным потерям, которых можно было бы избежать, если бы советская стратегия на первом этапе войны базировалась не на контрнаступлениях, а на гибкой обороне.

Оценивая Сталина как главнокомандующего, Дж. Робертс делает упор

дующего и его маршалов и генералов никогда не было идеально гладким, но по ходу войны становилось все более эффективным и творческим. Робертс отмечает, что Сталин научился ценить квалифицированные военные кадры, так что репрессии против командования Западного фронта и ряда генералов ВВС в самом начале войны с Германией стали последней относительно крупной чисткой в военной среде. Позднее даже в случае неудач, таких как провал советского наступления под Харьковом весной 1942 г., Сталин обходился со своим генералитетом гораздо мягче. (Нужно отметить, однако, что, затрагивая в своей книге тему предвоенных репрессий, Робертс почему-то практически никак не оценивает их влияние на боеспособность Красной армии, тем самым обходя одну из наиболее

модернизация и даже частичная либерализация (!) сталинского режима. Отмечая, что репрессии конца 40 — начала 50-х не достигали такого размаха, как в 1937–1938 гг., Робертс приходит к не слишком аргументированному выводу о том, что последние годы правления Сталина, в сущности, подготовили почву для перемен эпохи «оттепели».

Эти заключения ирландского историка идут вразрез со многими свидетельствами тяжелой атмосферы страха, царившей в советском обществе (не исключая партийно-государственную верхушку) в последние сталинские годы. Кроме того, применительно к этому периоду уже сложно говорить о массовом энтузиазме коммунистического строительства, который наряду и вопреки репрессивным мерам сталинского режима

существовал в СССР в 30-е гг. и придавал этой эпохе некоторый романтический ореол. Похоже, Дж. Робертс в определенной мере перенес на внутреннюю политику Сталина свои умеренные и даже благосклонные оценки его внешней политики первых послевоенных лет. В давно идущей среди историков полемике о том, кто виноват в развязывании холодной войны, автор «Войн Сталина» становится на сторону тех, кто не склонен возлагать на СССР большую часть вины за конфликт с недавними союзниками по антигитлеровской коалиции. По его мнению, подтверждаемому рядом приводимых документов и свидетельств, Сталин опасался возрождения в будущем военной и экономической мощи Германии, что могло бы стать источником новой войны в Европе. Поэтому советский диктатор считал необходимым продолжение взаимодействия СССР с США и Великобританией и после победы в войне — на основе раздела сфер влияния трех держав в глобальном масштабе.

В то же время советские военные успехи и жесткие методы утверждения Москвой своего влияния в Восточной Европе, проявившиеся уже в 1944–1946 гг., привели к росту на Западе антикоммунистических настроений и опасений. Последовала череда взаимных идеологических выпадов и политических ошибок (со стороны СССР такой ошибкой, по мнению Робертса, было, в частности, провоцирование берлинского кризиса в 1948 г.), в результате чего «Большая тройка» времен войны прекратила свое существование, а мир вступил в эпоху противостояния двух геополитических лагерей. В целом, однако, как утверждает автор «Войн Сталина», СССР, ослабленный войной с Германией, не был заинтересован в обострении отношений с Западом и придерживался в первые послевоенные годы, скорее, оборонительной внешнеполитической стратегии. Тем не менее Запад под впечатлением коммунизации стран Восточной Европы, прихода коммунистов к власти в Китае и корейской войны толковал эту стратегию как наступательную. Ответом на рост «советской угрозы» стало выдвигание доктрины Трумэна о «сдерживании коммунизма» и форсирование конфронтации. Возможно, несколько преувеличивая миролюбие СССР, Робертс, однако,

наглядно показывает, как взаимное недоверие, существовавшее между союзниками с самого начала, в послевоенный период привело к прямо противоположным интерпретациям сторонами одних и тех же шагов, дальнейшему нарастанию недоверия и в конечном итоге к глобальному противостоянию.

Складывается ощущение, что холодная война была исторической неизбежностью, во всяком случае, при сохранении в СССР и на Западе столь различных общественных систем. Дж. Робертс, однако, считает иначе. «То, что Сталину не удалось с демократической точки зрения лучше использовать плоды своей победы, несомненно, было следствием политической ограниченности его диктаторского режима. Однако это произошло и по вине западных политиков, прежде всего Черчилля и Трумэна, которые не смогли... избежать идеологического противостояния, скрывающего парадоксальную правду о том, что Сталин был диктатором, который победил Гитлера и тем самым помог сохранить мир для демократии». Утверждение спорное, поскольку в намерения Сталина явно входила не защита демократии, а выживание, сохранение и укрепление советского строя. В то же время такой взгляд на Сталина явно ближе к истине, чем ортодоксально-антикоммунистические интерпретации событий 40-х гг., уравнивающие нацизм и коммунизм и считающие холодную войну едва ли не продолжением Второй мировой — с той разницей, что роль «тоталитарного монстра» перешла с нацистской Германии на СССР.

Иоахим Фест в своей биографии Гитлера, ставшей классикой историографии, размышляет над тем, вправе ли мы считать нацистского вождя великой исторической личностью, сочетаются ли «историческое величие и бедность характера». Немецкий историк не дает окончательного ответа на этот вопрос. Автор «Войн Сталина» в этом плане более однозначен. Он явно не отказывает советскому вождю в историческом величии, не отрицая, что это величие покрыто и оплачено кровью множества советских людей, погибших по воле Сталина как на фронтах великой войны, которой Сталин пытался избежать, так и в рамках советской репрессивной системы, которую Сталин развил

до колоссальных масштабов.

Кто-то признает подход Робертса правомерным, другие осудят его как граничащий с макиавеллизмом, однако, на мой взгляд, ценность «Войн Сталина» как исторического исследования в другом. Книга Робертса — одно из свидетельств того, что Сталин все-таки понемногу уходит от нас в историю, переставая быть актуальным политическим персонажем. Неудивительно, что такого рода работы появляются пока в основном на Западе, который может позволить себе более отстраненный взгляд на советского диктатора. В России же Сталин по-прежнему актуален не как историческая личность, а как предмет споров даже не о прошлом, а о настоящем и будущем страны, как символ, олицетворяющий одну из интерпретаций российской государственно-политической традиции. По данным различных опросов, от четверти до трети россиян считают, что при Сталине страна шла в правильном направлении. Сталин жив — в определенном смысле это верно и сейчас.

Масштаб исторической личности можно оценивать, не отказываясь ни от политических, ни от моральных критериев, но не впадая при этом в чрезмерную эмоциональность (осуждающую или апологетическую), которая вредит ясности видения. Очевидно, пришло время для таких оценок и в отношении Сталина. Джеффри Робертс, отказываясь от крайностей антикоммунизма и антисталинизма, но не впадая в апологетику советского диктатора, не становясь ни адвокатом, ни прокурором, предлагает реалистический подход к этой исторической фигуре. Человека, в политической биографии которого были, с одной стороны, московские процессы и Катынь, а с другой — Сталинград и Берлин, нельзя оценивать так, будто той или иной из этих символических парников никогда не было. Чтобы Сталин наконец-то умер, не нужно ни восхвалять, ни проклинать его. Лучше всего его просто понять. Это не исключает ни ужаса и отвращения к преступлениям сталинизма, ни уважения к советскому диктатору и созданной им системе — за мобилизацию народа на борьбу с внешним врагом, проявленные при этом способности и упорство, итогом которых была победа 1945 года. ■